



Ольга Евгеньевна Крючкова
Доспехи Дракулы
Серия «Поручик Алексей Полянский», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631535
Доспехи Дракулы: Вече; 2010
ISBN 978-5-9533-3933-9

Аннотация

В Ярославском поместье графа Шаховского, заядлого коллекционера старинного оружия и доспехов, происходят необъяснимые события. Хозяина посещает призрак графа Дракулы, в точно таких же доспехах, которые являются гордостью коллекции. Граф погибает при таинственных обстоятельствах. Происходит череда смертей, казалось бы, совершенно не связанных друг с другом – в Москве умирает Григорий Шаховской, сын графа-коллекционера, на его жену Наталью Васильевну совершено дерзкое покушение. Поручик второго жандармского отделения Полянский берётся за это сложное, запутанное дело, пытаясь спасти молодую графиню. Расследование приводит его в заведение некой мадам Либуш, которая на первый взгляд производит весьма благоприятное впечатление и не имеет ни малейшего отношения к нашумевшим преступлениям.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Крючкова

Доспехи Дракулы

Вторая книга о поручике Полянском, продолжение «Розы Версаля»

Пролог

1741 год, поместье Шаховское, Ярославская губерния

Граф Василий Григорьевич Шаховской третий день подряд не покидал своей постели. Рана, полученная им от удара шпаги на дуэли с поручиком Константином Анохиным, по словам доктора, была не смертельной.

Острие клинка прошло между рёбер, задев правое лёгкое графа, и потому ему требовался полнейший покой и диета. В разговоре с графиней Марией Ильиничной доктор в очередной раз настоятельно произнёс:

– Повторяю, покой и только покой! Только так граф поправится! Никаких инсинуаций! Предупреждаю вас, дорогая Мария Ильинична. Иначе рана может открыться и тогда, увы, я буду бессилён. Впрочем, как и современная медицина. А она ещё ох как несовершенна! И не забудьте: курение табака графу впредь противопоказано. Примерно месяц жидкая пища: куриный бульон, каши и никакого алкоголя. Я буду приезжать каждый день и менять повязку. Не забудьте давать Его сиятельству эликсир из афралиса и белладонны[1], который я привёз вам ранее. Да, и вот что... – доктор извлёк из своего саквояжа ещё одну склянку, небольшую по размеру.

– Что это, сударь?.. – поинтересовалась графиня, смахнув со щеки слезинку батистовым платочком.

– Это весьма эффективное средство: эликсир из барвинка и болиголова[2]. Отличное ранозаживляющее и противовоспалительное средство! Но! Смею вас предупредить! Эликсир сей давать строго по предписанию: один раз в день, десять капель на стакан воды. Иначе он из лекарства превратится в яд. Несколько концентрированных капель этого эликсира могут убить человека, но правильное применение поможет графу быстро встать на ноги и исключить возможность воспаления раны.

– Ах, благодарю вас, доктор, – поворковала графиня.

– Да и ещё одно, сударыня... Мне неловко говорить об этом... Я боюсь, что сия история с дуэлью дойдёт до полицмейстера... – сказал доктор и потупил взор, с излишним усердием разглядывая свои ботинки.

– Но... П-простите, сударь: почему?.. – недоумевала графиня. – Слава богу, всё обошлось. Василий Григорьевич жив. Думаю, он бы не хотел огласки...

– Да, да, сударыня. Я понимаю, задета ваша честь... Но, увы! – посетовал доктор.

Мария Ильинична подхватила доктора под руку.

– Вы же сами сказали: никаких инсинуаций! А что будет, если слухи действительно дойдут до полицмейстера? И он пришлёт урядника?.. Тот начнёт расспрашивать... Ах, какой стыд! Эти оскорбительные подозрения мужа... – графиня снова пустила слезу.

Доктор окончательно сдался.

– Ну, хорошо, сударыня. Я никому ничего не скажу, – пообещал он. – Но...

– Не волнуйтесь! – тотчас подхватила очаровательная графиня, слёзы которой чудесным образом исчезли с её розовых соблазнительных щёчек. – Граф будет вам благодарен за хлопоты и... за молчание.

Она замолкла и взглянула на доктора, да так, что у того засосало под ложечкой.

«Из-за такой красавицы перережешь и перестреляешь всех соседей-помещиков...» – мелькнул мысль в голове у доктора. Но он тотчас взял себя в руки и сказал:

– До завтра, сударыня. Я буду ближе к полудню. Не утруждайтесь, не провожайте меня. Доктор раскланялся с графиней и покинул усадьбу Шаховских.

* * *

Василий Григорьевич пребывал в отчаянии. Он ненавидел себя за то, что не смог как следует проучить этого прощельгу-поручика. Увы, но годы уже не те... Силы уходят... Жена по-прежнему молода и желанна, ей всего-то двадцать пять лет исполнилось, а графу уж пятьдесят минуло. Годы брали своё...

Дверь спальни отворилась, вошла Мария Ильинична.

– Василий Григорьевич, душа моя, – произнесла она ласково, называя мужа по имени отчеству, ибо тот был намного старше. – Как ты себя чувствуешь? Может приказать принести бульона?

Графу не хотелось бульона, его снедала ревность. Он опасался, что жена и подлый поручик, племянник помещика Зворынского, тайно встречаются, а может быть, уже и явно.

Графиня приблизилась к кровати больного и заботливо поправила подушку.

– Машенька, родная, посиди со мной, – попросил граф.

Мария Ильинична присела на краешек кровати.

– Доктор велел: покой и только покой, – сказала графиня.

– На что мне этот покой?! – возмутился граф. – Я что, смертельно ранен?.. Подумаешь – царапина на груди...

– Душа моя! Рана может открыться и тогда... – Мария Ильинична пыталась вразумить мужа.

– Что тогда?.. Помру? Да? – взъерепенился тот.

Графиня закрыла своё прелестное лицо руками.

– Зачем ты так? Тебе нравится мучить меня? Я же вышла за тебя по любви... – Мария Ильинична расплакалась и выбежала из спальни.

На этот аргумент у Василия Григорьевича не нашлось возражений. Действительно, семь лет назад взял юную Машеньку, почти бесприданницу, из разорившейся ярославской дворянской семьи, как ему казалось, по обоюдной любви.

Она была хороша... Да и сейчас не потеряла красоты и статности, роды не испортили её фигуры, придав ей лишь соблазнительную округлость.

Перед глазами промелькнуло прошлое. Вот он, способный сын мещанина, «птенец Петров», учится в Германии, постигая сложную науку фортификацию. В чём достиг немалых успехов и вернулся в Россию. Затем бесконечные военные крепости... Какие-то он перестраивал, внося усовершенствования в связи с требованиями времени, многие проектировал и строил заново. Так, в постоянной работе, прошли долгие годы... За верную службу Василий Григорьевич получил титул графа и земли в Ярославской губернии.

После кончины великого Петра новоиспечённый граф удалился в своё имение и начал строительство усадьбы, которую сам спроектировал. Усадьба сия напоминала нечто среднее между домом и крепостью и производила впечатление европейского замка, по нелепой случайности оказавшегося среди ярославских полей и лесов.

...Василий Григорьевич тяжело вздохнул. Он весьма сожалел, что не сумел как следует проучить поручика. Тот оказался проворнее – клинок вошёл как раз между рёбер графа и задел лёгкое. Разумеется, Константин Анохин не хотел убивать графа, а просто преподать урок: нечего, мол, оскорблять нелепыми подозрениями порядочных людей!

От сознания своего бессилия ненависть к поручику разгоралась всё сильнее, она просто сжигала графа изнутри. Ещё мгновение – и он начнёт рычать, подобно раненому зверю... Да только кому это надо?.. Жене?.. Да, кстати, где она?

Василий Григорьевич левой рукой дёрнул за шнурок звонка, располагавшийся в изголовье кровати. За дверь послышались шаркающие шаги лакея Прохора. Дверь открылась...

– Чего изволите, ваше сиятельство? Чай проголодались? – поинтересовался тот, входя в спальню.

– Где барыня? – поинтересовался Василий Григорьевич.

– Э-э-э... – неопределённо протянул Прохор. – Кажись, в покоях своих...

– Вели послать за ней!

– Такжеж... Барыня... Э-э-э... – снова промямлил Прохор.

– Её что, в доме нет? – догадался граф.

Лакей кивнул.

– Точно так-с, ваше сиятельство, нету барыни... Нету...

– И где же она?! – теряя терпение, закричал граф.

– Такжеж... Прогуляться она отправилась. День выдался нонче хороший... – Наконец признался Прохор.

– Верхом?!

Прохор кивнул.

Красная пелена застелила глаза графа. Он лежит в постели, раненый... А она... Она снова поскакала к этому вертопраху Анохину! Ну, всё! Терпению графа настал конец!

Увидев, как граф покраснел, Прохор испугался.

– Ваше сиятельство, да не волнуйтесь вы такжеж... Эвон покраснели, чего доброго рана откроется...

Действительно, граф почувствовал сильное жжение в области груди, дышать становилось всё тяжелее.

– Позови... Глашу! – отрывисто приказал граф. Прохор тотчас исполнил приказание.

В спальню вошла Глаша и, взглянув на барина, поняла, что ему надобно принять эликсир, прописанный доктором.

Глаша открыла склянку с эликсиром барвинка и болиголова, взяла десертную ложечку и, отсчитав ровно десять капель, опустила снадобье в стакан с водой и тщательно размешала.

Василий Григорьевич внимательно наблюдал за действиями горничной. Он прекрасно помнил, что сказал доктор:

– Не более десяти капель на стакан воды... Эликсир чрезвычайно концентрированный... Передозировка опасна для жизни...

«А что будет, если подлить, скажем, в вино, капель двадцать или тридцать?.. – невольно подумал граф. И сам ответил на свой вопрос: – Смерть...»

Неожиданно Василий Григорьевич пришёл в хорошее расположение духа, безропотно выпил лекарство и даже похвалил Глашу за какую-то мелочь. Горничная удивилась: видать, барин на поправку пошёл!

– Ты, Глаша, ступай в библиотеку. Там в шкафу, что у окна, на средней полке стоит книга в красном переплёте...

Покуда Глаша ходила за книгой в библиотеку, графа одолевали бесовские мысли: «Отравить... Отравить... Жену отравить... Поручика отравить... Нет её жалко... Люблю изменницу! Люблю!!! Помру я без неё... А его, мерзавца, не жаль нисколько...»

В спальню вошла Глаша.

– Вот, барин, глядите. Эта книга-то? – она потянула достаточно увесистый фолиант.

– Да, нет, Глаша! Всё ты перепутала! Это не то... – Василий Григорьевич открыл книгу, на её первой странице по-французски значилось: Анри де Ла Круа Верден «Трактат о вампирах». – Хотя, ладно... Оставь, и эта сойдёт, почитаю.

Чтение французского фолианта захватило графа.

...Неожиданно дверь в спальню приоткрылась, и показалась белобрысая голова шестилетнего Коленьки.

– Папочка! – позвал мальчик. Но тот, увлечённый чтением никак не отреагировал. – Папочка! Папочка! Что ты читаешь?

Граф очнулся. Воображаемые вампиры исчезли...

– Коленька, сынок! Заходи, родной! – обрадовался граф, увидев своё обожаемое чадо.

– Карл Иванович разрешил мне отдохнуть от занятий. Мы с ним рисовали... – доложил мальчик о том, чем он занимался под бдительным оком немца-воспитателя. – Мама сказала, что ты захворал...

– Да, немного... – подтвердил Василий Григорьевич срывающимся голосом, готовый разрыдаться. Он и сам удивился своей слабости, ибо раньше не был столь чувствительным. – Мне уже лучше...

Коленька забрался на кровать к отцу и заглянул в книгу. Оттуда на него смотрело нечто, напоминающее уродливую птицу.

– Папа, что это за птичка?.. Она странная.

– Это летучая мышь. В неё превратился один князь... Словом, он не умер, а превратился в эту мышку и летает теперь по своему замку.

Коленька округлил глаза.

– И долго он летает?..

– Да, лет двести, а может и больше...

Мальчика заинтересовала средневековая история.

– Расскажи мне ещё что-нибудь про этого князя, – попросил он.

– Нет, Коленька, не стоит. Его история слишком страшная.

– Тогда не надо. А то мне ночью приснится плохой сон, – согласился мальчик.

* * *

Вечером перед сном Василий Григорьевич пожелал видеть свою супругу. Мария Ильинична вошла в спальню мужа, как обычно, словно ничего не произошло, и ещё два часа назад она не скакала верхом по окрестным лесам в сопровождении поручика Анохина.

Василий Григорьевич заметил, что щёки жены покрывал лёгкий румянец, что явственно указывало: графиня прекрасно провела время в обществе своего фаворита.

– Как ты себя чувствуешь, душа моя? – вежливо поинтересовалась графиня.

– Благодарю, лучше... – ответил граф, подавляя крайне раздражение. Но тут же спохватившись, почти елеинным голосом сказал: – Думаю, Машенька, я был не прав по поводу Константина Анохина. Он вовсе не такой уж и ... Словом, я хочу с ним примириться.

Глаза Марии Ильиничны заблестели.

«Ага! Вот ты себя и выдала! – мысленно злорадствовал граф. – Ну, ничего, всё ещё впереди...»

– Василий Григорьевич, я так рада, что ты одумался. Право же, что в том дурного, что я люблю конные прогулки?.. – графиня невинно смотрела на мужа и тот, растаяв под её взглядом, был уже готов поверить в её абсолютную невинность. Но он вовремя спохватился...

– Ничего дурного в том нет. Согласен. Оттого и хочу выпить с поручиком на мировую.

– Ах, Василий Григорьевич, но доктор категорически запретил тебе пить.

– М-да... Ну, ничего, я поговорю с Анохиным, а ты затем отобедаешь в его компании. Да пусть не торопится обратно в усадьбу дядюшки своего. Неужто мы гостя на ночь не разместим? Да хоть бы во флигеле, где раньше была моя мастерская. Прикажи, Машенька, прибраться там... Чертежи, что на столе, убрать в шкаф. Может, пригодятся ещё?..

– Я непременно обо всём распорядюсь! И немедля отпишу поручику приглашение на ужин, – пощebetала Мария Ильинична и, счастливая выпорхнула из спальни.

* * *

Прибыв в усадьбу Шаховского, Константин Анохин первым делом навестил хозяина. То встретил гостя радушно.

– Ах, это вы, поручик. Я ждал вас. Присаживайтесь, – граф указал на кресло, стоявшее подле кровати. – Извините, что принимаю вас лёжа. Врач, знаете ли, не велит вставать ещё пару недель. Говорит, рана может открыться.

Константин заметно нервничал.

– Граф... Пользуясь случаем, хочу принести вам свои искренние извинения. Я очень сожалею о случившемся.

– Пустое, сударь... Я сам виноват, наговорил вам всяких гадостей... Уж и не помню, каких именно. И вы не держите на меня зла...

В знак примирения граф протянул поручику правую руку. Тот с удовольствием пожал её.

– Я приказал приготовить ужин в рыцарской зале. Я, видите ли, поклонник западного искусства и образа жизни. При Петре Великом я обучался в Германии. Оттуда и привёз коллекцию доспехов и оружия. Можете полюбопытствовать, сии редкие экземпляры в зале. Оттого она, собственно, и зовётся рыцарской. Я же, увы, не смогу вас сопровождать. Мария Ильинична составит вам компанию...

Во время ужина Константин не переставал любоваться графиней, но в то же время от его внимания не ускользнуло убранство зала: доспехи, стоявшие около каминов, которых в зале было два; оружие, висевшее на стенах. Все увиденное его, как человека военного, впечатляло.

Когда ужин благополучно завершился, поручик смог приблизиться к графине на почтительное расстояние, чтобы та поведала ему о происхождении сих редчайших экземпляров, в изобилии украшавших рыцарскую залу.

Часы пробили почти одиннадцать вечера, когда за окном сгустились сентябрьские сумерки, и поручик покинул прелестную графиню, для уединения в отведенном ему по сему поводу флигеле.

* * *

Дворецкий, по обыкновению, около полуночи обходил дом графа, чтобы убедиться, что всё в порядке, а затем отправлялся в свою комнатку на первом этаже и засыпал крепким сном.

И в этот раз, вооружившись подсвечником с тремя зажжёнными свечами, дворецкий Фёдор прошёлся по первому этажу, где размещались комнаты для прислуги, кухня, лакейская, кладовые и две комнаты управляющего имением с отдельным входом.

Управляющий имел привычку рано ложиться спать, примерно около десяти часов вечера. Поместье графа Шаховского было обширным, и уследить за всем хозяйством было

задачей непростой, потому управляющий изрядно уставал к вечеру и рано ложился спать, едва темнело.

Фёдор прошёлся по кухне – всё чисто и прибрано. Он довольно крикнул и отправился на второй этаж в рыцарскую залу.

К своему удивлению, он застал там графа.

– Господи, батюшка вы наш! Чего поднялись-то с постели? Разве доктор позволял?

Василий Григорьевич сидел в кресле около камина, в котором едва теплился огонь, ибо ночи становились прохладными.

– Это ты, Федор?.. – устало поинтересовался граф.

– Я-с, батюшка... Кому ж ещё быть? Совершаю вечерний осмотр дома... Для порядку...

Граф попытался подняться с кресла...

– Помогите мне, Федор...

Управляющий тотчас подхватил графа под мышки и поставил на ноги.

– Батюшка, бледны вы больно... Чай, рана опять беспокоит? – участливо поинтересовался дворецкий.

– Да, немного... – признался граф. – Не говори барыне, что я вставал с постели, а то она волноваться станет... Кстати, где она?..

Дворецкий удивился:

– Так где же ей быть, барин, как не в покоях своих?! Уж почивать Мария Ильинична изволят. Так долго на фотепианах играли, всё гостя развлекали, чай умаялись вконец.

Граф кивнул.

– И я почивать пойду.

– Проводить вас, барин?

– Не стоит... Сам до спальни дойду.

* * *

На следующее утро Мария Ильинична пробудилась в дивном расположении духа. Она умылась, привела себя в порядок, облачилась в домашнее цвета тёмной вишни платье и спросила у горничной:

– А что, Василий Григорьевич изволил пробудиться?

– Право, не знаю, барыня... – призналась горничная.

– Так иди же! Да и узнай, уехал ли наш гость? Или отзавтракать пожелает? – с томлением в голосе распорядилась барыня.

Глаша хмыкнула, понимая состояние госпожи, и отправилась в спальню к графу. Когда горничная открыла дверь, чтобы пожелать хозяину «доброго утрачка» и справиться о самочувствии, перед её взором предстала разобранная постель. Самого же графа в комнате не было.

– Василий Григорьевич! – позвала Глаша на всякий случай. – Вы где?

Горничная внимательно осмотрела комнату: ни домашних туфель, ни хозяйского халата она не увидела. Она прошла по комнате, заглянула за портьеры... Мало ли что, может, барин почудить захотел да спрятался...

Но и за портьерами никого не оказалось.

Затем взор Глаши упал на круглый столик, что стоял подле кровати графа. На нём лежал тот самый французский фолиант, открытый на картинке с летучей мышью, рядом с ним – десертная ложечка, пустой стакан и флакон с афралисом-белладонной. Слякки же с эликсиром барвинка-болиголова на столе не оказалось...

Горничная мотнула головой.

– Господи... Барин, чего это вы удумали? А? – испугалась она, решив, что граф решил отравить гостя, потому как знала, что пропавшее снадобье не безобидно. Да и причина дуэли ни для кого в поместье не была секретом.

Она со всех ног бросилась в комнату барыни.

– Ты что, Глаша? Черти за тобою гнались? – с явным недовольством спросила Мария Ильинична.

Горничная пыталась объяснить:

– Барин взял маленькую склянку ... ну ту, с ядовитым лекарством...

Глаза графини округлились.

– Что? Он отравился? – дрожащим голосом предположила она.

– Не-е... Барина в комнате нету... Может, он к поручику направился... – отдышавшись, выпалила горничная.

– Господи! – воскликнула испуганная графиня. – Зови дворецкого и управляющего, если тот ещё в доме! – приказала она, схватила цветастую шаль и накинула на плечи. – Бежим во флигель! Может быть, не всё потеряно!

* * *

Федор дёрнул дверь флигеля.

– Заперта, барыня, изнутри...

Графиня не на шутку испугалась: как она могла согласиться на примирение?! Как она могла подумать, что граф действительно простил поручика?!

– Василий Григорьевич, ты здесь? – робко позвала графиня, думая, что муж вошёл во флигель, запер дверь и отравил поручика. – Открой мне... Прошу тебя! Открой! – срывающимся голосом умоляла она и, наконец, потеряв всякую надежду, приказала: – Федор, ломай!

Управляющий приказал принести топор. Несколькими мощными ударами топора Фёдор вырубил дыру в двери и, просунув руку, открыл засов.

Графиня буквально влетела во флигель, но графа там не было. Однако ее взору открылась другая картина, словно сошедшая с полотен Иеронима Босха[3].

Поручик лежал поперёк кровати, широко раскинув руки, голова его безжизненно висела. В глазах застыл животный ужас... Не хватало только смерти с косой и композиция была бы завершена.

Графиня издала душераздирающий крик. Дворецкий и управляющий перекрестились.

– Матерь Божья... Это как же бедного так угораздило?... – удивился управляющий.

Графиня стояла, не шелохнувшись, смутно понимая, что происходит.

Управляющий закрыл дверь флигеля, ибо стала проявлять излишнее любопытство охочая до сплетен прислуга. Затем он подошёл к телу поручика и констатировал:

– Я, конечно, не врач... Но следов насилия не вижу... Разве что...

Дворецкий приблизился к кровати.

– Что? Неужто барин его наш порешил из ревности?

– Да, замолкни ты, Фёдор. Барин наш – благородный человек, а не убийца и отравитель. Думай, что говоришь, да ещё при Марии Ильиничне! – возмутился управляющий.

Дворецкий почесал за ухом.

– Да уж... – потянул он и посмотрел на бледную, застывшую, словно изваяние барыню. – Надобно доктора позвать...

Неожиданно графиня очнулась.

– Доктор скоро будет... Надо сменить перевязку Василию Григорьевичу...

Покуда графиня приходила в себя, управляющий не терял времени даром. Он ещё раз внимательно осмотрел труп поручика.

– А на шее у него две кровавые ранки запеклись, словно от укуса... Ничего подобного я не видел. Пусть доктор посмотрит. Может, животное какое-то или насекомое ядовитое, – сказал он и накрыл Анохина одеялом. – Идёмте, Мария Ильинична, идёмте. Доктор прибудет и во всём разберётся. Коли умер поручик, похороним. Что поделать... Такова жизнь... Надо бы сообщить помещику Зворынскому о смерти племянника...

Управляющий подхватил под руку готовую потерять сознание, обмякшую графиню, и вывел из флигеля.

На свежем воздухе она окончательно пришла в себя.

– Но где же граф? Куда он пропал? – волновалась Мария Ильинична.

– Найдём хозяина, не волнуйтесь, – заверил управляющий. – Куда ему деться? Да ещё и хворому. Здесь он где-нибудь, в усадьбе...

Вскоре вся домашняя челядь была занята поисками графа. Но увы... Он как сквозь землю провалился.

Мария Ильинична дважды теряла сознание, благо, что доктор вскорости приехал. И узнав, что случилось, доктор пришёл в неподдельный ужас: Константин Анохин мёртв, граф как сквозь землю провалился, и в придачу ко всему – эликсир, изготовленный им по старинному немецкому рецепту, тоже пропал.

Он велел дать барыне нюхательной соли, сам же отправился осматривать труп. Про себя он решил, что граф всё же не сдержался – убил поручика и, испугавшись содеянного, где-то спрятался. Теперь рана у него непременно откроется, и чем всё закончится – одному Богу ведомо.

Тщательно осмотрев труп, доктор констатировал управляющему:

– Раны на шее похожи на укусы... Более ничего сказать не могу. Вряд ли эти укусы могли повлечь за собой смерть – они не глубокие. Вероятно, у поручика не выдержало сердце... Хотя явных признаков апокалепсии я тоже не наблюдаю. Странная смерть, батенька, весьма странная. Даже если предположить, что к этому имеет отношение граф... То возникает вопрос: каким образом он убил поручика? Загрыз его, что ли?

Управляющий фыркнул, ему явно не понравились последние слова доктора.

– Надобно искать графа. Покойнику, увы, не помочь...

Доктор с ним полностью согласился. Графа искали почти до вечера, но, увы, безуспешно. Мария Ильинична пребывала в крайне расстроенном состоянии, готовая в любую минуту снова потерять сознание. Наконец, решили отправить нарочного к полицмейстеру.

* * *

Карл Иванович застал своего воспитанника в покоях графа. Мальчик сидел на кровати и внимательно изучал книгу.

– Чем ты занят, Николенька? – спросил воспитатель.

– Эту книгу читал папа... Я знаю, что с ним случилось...

Карл Иванович округлил глаза.

– И что же, мой друг?

Коленька совершенно серьёзно посмотрел на пожилого немца.

– Я скажу об этом только маме...

– Хорошо, идём к Марии Ильиничне, – согласился Карл Иванович и попытался взять у мальчика книгу.

– Нет, – решительно заявил тот, – я сам её донесу.

Войдя в покои маменьки, Коленька увидел, что она сидит в кресле.

– Я знаю: где мой папа...

Графиня удивлённо вскинула брови.

– И где же? Говори, не бойся!

– Вот... – мальчик положил книгу на колени матери.

– Что это?.. – удивилась Мария Ильинична и посмотрела на картинку, изображавшую летучую мышь, а затем, прочитав название трактата, пришла в неподдельное волнение.

– Ох уж эти средневековые фолианты! – возмутилась она. – Так, где же папа? Ты мне скажешь? – как можно мягче спросила она у сына, думая, что мальчик знает о тайном убежище мужа.

– Да. Он превратился в летучую мышку, и теперь будет летать по дому. И никогда не умрёт...

Графиня побледнела. Фолиант соскользнул с её коленей на пол, и она в очередной раз потеряла сознание.

Глава 1

Весна 1828 года, Москва

До чего же прекрасное время весна, особенно май месяц. Вся растительность распускается, набирая силу. Садовое кольцо, утопавшее в цветущих яблоневых садах, было особенно живописно. Яблоневый аромат и вид свежей изумрудной листвы будоражил и душу и тело...

Дмитрий Берсеньев, мещанин по происхождению, жил на Садово-Каретной улице в просторном добротном доме, вызывавшем зависть у соседей. Аграфена Ивановна Берсеньева, матушка Дмитрия, женщина тучная и весьма почтенная, рано овдовев, сдавала родительский дом в наём, сама же с сыном обосновалась в доме мужа.

Достаток от сдачи дома в наём был, увы, невелик, но постоянен, что позволяло Аграфене Ивановне вполне сносно вести хозяйство и дать приличное образование Дмитрию.

Дмитрий хорошо окончил гимназию и в дальнейшем проявлял интерес к экономическим наукам. Но, к сожалению, Аграфена Ивановна не располагала средствами, чтобы дать сыну университетское образование. Потому Дмитрий посещал лекции вольным слушателем.

Молодого человека, красивого, способного и амбициозного, тяготило такое положение дел. Конечно, Аграфена Ивановна души не чаяла в своём Митеньке, всячески потакала ему и баловала. Но финансовые возможности мещанского семейства отнюдь не улучшались...

Дмитрий же, превратившись в щеголеватого двадцатилетнего красавца, постоянно ощущал нехватку денег. Посещая университетские лекции, он достаточно близко сошёлся с ровесниками, не стеснёнными в денежном отношении. И это обстоятельство сильно его угнетало.

Часто после лекций компания студентов направлялась отобедать в приличный ресторанчик, или, скажем, увеселительное заведение. Дмитрий порой присоединялся к друзьям, скромный обед в ресторане был ему по карману, но вот увеселительное заведение – отнюдь.

Иногда студенты собирались в доме Дмитрия, чтобы перекинуться в карты, чему Аграфена Ивановна не противилась, а, напротив, старалась угостить гостей как можно лучше. Молодым людям нравилась хлебосольность хозяйки, хотя они даже не подозревали, как дорого ей это обходится. Но Аграфена Ивановна никогда не упрекнула сына в том, что его друзья опустошают продуктовые запасы на неделю вперёд.

Но такие сборища студентов в доме Берсеньевых были нечастыми. Компания молодых людей всё же предпочитала более шумное и веселое времяпрепровождение.

Аграфена Ивановна, понимая, что сыночек её не спешит заниматься делом и искать службу, решила женить его. Да и кандидатура приличная имелась: дочка купца третьей гильдии Дарья Потапова, дом которых располагался на пересечении Садового кольца и Каретного ряда.

Отец полнотелой девицы имел торговую лавку и успешно продавал конскую упряжь и сёдла. Но вот незадача: Дарья не выдалась ни красотой, ни умом, правда, хозяйственная была – не отнять. Потому купец Потапов и давал за дочь приличное приданое: дом каменный у Петровских ворот, да денег пять тысяч рублей.

Ушлая Аграфена Ивановна во чтобы то ни стало решила свести Дмитрия с купеческой дочерью. Но великовозрастное чадо всячески противилось, чем расстраивало матушку, ибо та уже видела Митеньку полноправным хозяином в доме около Петровских ворот, что само по себе считалось у мещан весьма престижным.

В общем, жениться Дмитрий не желал и потому вспомнил о своём дяде по линии отца, Иване Петровиче Берсеневе, купце второй гильдии, который продавал кондитерские изделия по всей Ярославской губернии и даже самому графу Николаю Яковлевичу Шаховскому.

Молодой человек трезво рассудил: уж лучше дядьке родному помогать, нежели на толстой девице жениться, хоть и с приличным приданым.

Аграфена Ивановна повздыхала, но делать нечего: отписала своему деверю[4] письмо в Ярославль с просьбой пристроить Митеньку на приличное место, не забыв при этом упомянуть, что он красив и статен, умён и наукам мудрёным обучен.

Письмо в Ярославль Берсеневы отправили, но вот ответа от родственничка всё не приходило... Видать, не спешил он пристроить племянника на хлебное место.

* * *

Однажды друзья Дмитрия Берсеньева, сытно отобедав и томимые скукой, размышляли, как бы скоротать время. Сергей Калитин, душа и заводила компании, весьма обеспеченный молодой человек, неожиданно предложил:

– Друзья, а не отправиться ли нам в салон мадам Либуш?!

– Мадам Либуш? – удивились студенты. – Она что, иностранка?

Сергей Калитин приосанился, предвкушая, как он поведает компании историю сей таинственной дамы.

– Да, да... Сильвии Либуш! – повторил он, смакуя имя дамы. – Сильвия Либуш – иностранка, точное происхождение её неизвестно. Кто говорит, что она из Венгрии, судя по имени, а кто – из Трансильвании[5]. Один приятель, не буду называть его имени, рассказывал, что некий блистательный офицер соблазнил юную Сильвию. Привёз в бедняжку в Москву и беспардонно бросил. Девушка осталась одна в незнакомом городе, без денег и связей. Некто купец Глымов подобрал её, не устояв перед красотой юной трогательной прелестницы, и сделал своей содержанкой.

... Действительно, Сильвия долго жила под крылом своего покровителя, который ни в чём ей не отказывал, пока тот скоропостижно не умер. Но Сильвия была уже научена горьким опытом. Скопив приличную сумму денег, она теперь вполне могла себя обеспечить. Да и за время своего содержания она обзавелась полезными знакомствами. Доподлинно известно, что госпожа Либуш подзаяла ещё денег и, пользуясь благосклонностью самого полковника жандармского корпуса, что на Воздвиженке, Павла Христофоровича Эйлера, который также был пленен её женскими чарами, благополучно заручилась поддержкой и открыла салон определённого характера. Говорят, полковник Эйлер частенько захаживает к госпоже Либуш, та из чувства благодарности лично принимает его в отдельном кабинете.

Дела мадам Либуш шли весьма успешно, и салон, открытый ею два года назад, пользовался огромной популярностью. Она якобы расплатилась с долгами и, как женщина рачительная, приумножала свой скромный капитал.

– Из всего вышесказанного, дорогие друзья, можно сделать вывод: жизнь госпожи Либуш окутана тайной, – продолжил свой рассказ Калитин. – Вряд ли кто узнаёт правду об её истинном происхождении и том мерзавце, бросившем её много лет назад. Но... Я знаю наверняка: её салон – прекрасное заведение, где можно развлечься с очаровательными девочками, выпить вина и раскинуть партию в карты. Поверьте, друзья, я был там не далее, как... три дня назад. А что касается девочек, – Сергей смачно причмокнул, – это нечто потрясающее. Все молоденькие, стройные, а ножки!!!

Компания молодых повес пришла в неопишуемое волнение, не на шутку возбудилась от воображаемых прекрасных дамских ножек...

Дмитрий сглотнул: боже, как ему хотелось в салон мадам Либуш! Кто бы знал! Но для этого увеселения нужны деньги, и приличные. Мало того, хотелось выпить вина и сыграть партию в карты, и кто знает, может, остаться в выигрыше?! Естество брало своё – Дмитрий желал сполна насладиться стройными ножками, облачёнными в дорогие шёлковые чулки. Случайные связи с раскрашенными девицами в недорогих номерах пресытили его уже до отвращения.

Неожиданно у него в голове зародился дерзкий план.

– Скажи, Сергей, а где находится сие заведение?

Калитин с чувством явного превосходства смерил Берсеньева взглядом.

– Неужто ты присоединиться к нам желаешь?

– Желаю! – уверенно подтвердил Дмитрий.

– Что ж, найти его несложно: на Большой Молчановке, двухэтажный бежевый дом...

– Я присоединюсь к вам позже, – пообещал Берсеньев и покинул ресторан, направившись домой.

Калитин пожал плечами. Хотя и слыл он человеком незлобным, но всё же не упустил возможности съязвить:

– Заказывает дешёвые обеды, а к мадам Либуш собрался...

Друзья пропустили сие замечание мимо ушей, поглощённые предстоящим визитом на Большую Молчановку.

* * *

Сильвия пробудилась в своих покоях, сладостно потянулась и смачно зевнула... В памяти невольно всплыли события минувшей ночи.

Она невольно пошарила рукой по соседней подушке, но, увы, своего фаворита Николая Жукова не обнаружила.

– Ну вот, и этот постоянно сбегает засветло. Что за манера?.. – недовольно проворчала женщина.

Сильвия резко поднялась и села на кровати, бегло оглядела комнату... Всё оставалось на своих местах: и початая бутылка вина с двумя бокалами, вазочка с конфетами; с комода на хозяйку взирали фарфоровые ангелочки и пастушки с козочками. Но цепкий глаз Сильвии уловил, что нижний ящик комода слегка приоткрыт.

Женщина охнула, дрожь пробежала по её ещё молодому и желанному телу. Она накинула пеньюар и, подавляя страх, приблизилась к комоду, опустила на колени и открыла нижний ящик.

Перед ней лежала деревянная шкатулочка, та самая, которая когда-то принадлежала покойной матушке. Сильвия дрожащими руками приоткрыла её...

– Слава богу! Всё на месте... Неужели Николай открывал комод? Но зачем? Я в разговоре и словом не обмолвилась о том, что я... – мысли Сильвии прервались. Она пыталась лихорадочно вспомнить разговор, произошедший намеренно вечером.

...Сильвия возлежала на груди любовника, утомленная его неистовыми ласками.

– Мне нужна твоя помощь, Николай... – сказала она.

– Тебе надобно навести о ком-то справки и ты хочешь, чтобы я воспользовался своими давними связями? – оживился Жуков.

– Почти... – женщина приподнялась и посмотрела любовнику прямо в глаза. – Я хотела бы избавиться от одного мерзавца и его семейства.

Жуков рассмеялся.

– Дорогая, но я не убийца, а карточный шулер! Моё дело – ловкость рук!

– Я хорошо тебе заплачу, если ты поможешь мне, – пообещала Сильвия.

– Ладно... Я подумаю... Так от кого ты хочешь избавиться?.. – как бы невзначай поинтересовался Николай.

– Этот человек весьма богат...

Жуков округлил глаза.

– Ты с ума сошла!

– Отнюдь! Надобно всё как следует обдумать... Увы, все смертны.

Жуков задумался.

– Есть у меня в Ярославле один верный человек... Но, право, не знаю, согласится ли он?.. Уж больно дело опасное – богачей убивать.

Заинтригованный Жуков обнял любовницу и подмял её под себя.

– Ты что?.. Ненасытный... – томно произнесла она.

Но у Жукова вовсе не было плотского желания.

– Признавайся: зачем ты хочешь расправиться с этим семейством? И что я буду иметь в случае успеха?

Сильвия медлила с ответом...

– Говори, иначе помогать тебе не стану.

– Хорошо... – наконец, сдалась она. – Я предлагаю тебе десять тысяч рублей. согласишься, деньги немалые.

Жуков рассмеялся.

– Каким же образом, позволь спросить, ты намереваешься их заполучить? – поинтересовался заинтригованный любовник.

– А это уж моё дело... – небрежно бросила в ответ Сильвия.

– Ладно, помогу... за десять тысяч рублей. А имя жертвы ты назовёшь?

– Всему своё время. Сначала заручись согласием верного человека, – уклончиво ответила осторожная Сильвия.

... Мысли Сильвии путались. Она ещё раз проверила содержимое шкатулки: всё на месте.

– Нет, я ничего лишнего не сказала. Неужели сам догадался? И пока я спала, Николай рылся в шкатулке? – Сильвия закрыла шкатулку и вынула её из комода. – Пожалуй, ей место в банковском сейфе, – решила она. – А Николай непременно поплатится за чрезмерное любопытство.

* * *

Дом Шаховских на Большой Никитской улице

Григорий Шаховской пробудился в два часа пополудни и дёрнул за сонетку[6]. Слуга не замедлил явиться, чтобы молодой граф совершил свой утренний туалет.

Когда же он был облачён в шёлковый халат, изрядно благоухал модным французским одеколоном, в комнату вошла Наталья Васильевна, его супруга.

– Ваше поведение, сударь, – раздражённо начала она, – переходит всяческие границы. Вы вообще перестали бывать дома. И это в то время, когда я нуждаюсь в вашей поддержке и сочувствии!

– Ах, ma chere[7], – развязно отвечал безответственный супруг, – перестаньте капризничать. Экое дело – беременность! Бабы вон в поле рожают! Да и срок у вас невелик. А дома я бываю редко потому, что вы отказываете мне в законном праве супруга. N'est-ce-pas? [8]

Наталья побледнела.

– Но, позвольте, я не отказываю вам. Врач сказал, что в моём состоянии следует воздержаться от любовных утех... – пыталась оправдаться она.

Григорий подошёл к жене и обнял за слегка располневшую талию.

– Ну же, Натали... – произнёс он тоном заправского обольстителя. – Вспомните наши первые дни супружества... Как мы предавались любовным утехам ночи напролёт...

– Ах... – пролепетала Наталья, растаяв в крепких объятиях мужа.

...Григорий, как и всегда, в любви был ненасытен. Насладившись телом супруги, он тотчас приказал подавать обед, чтобы, утолив голод любовный, утолить потребности желудка.

Откушав в обществе мужа, Наталья Васильевна рассчитывала и на приятный совместный вечер. Но, увы! Григорий умчался прочь из дома, мечтая провести время в обществе картёжников и девиц лёгкого поведения.

Ночью Наталья Васильевна почувствовала себя дурно и послала за доктором.

Остаток ночи и всё последующее утро она прометалась в горячке, низ живота пронзали сильные боли... К полудню она потеряла ребёнка.

Григорий же ничего про это не знал, безмятежно предаваясь приятному времяпрепровождению и безудержно транжиря деньги.

* * *

Дмитрий Берсенев не стал нанимать извозчика, поскольку от ресторана до Садово-Каретной улицы было недалеко. Молодой человек шёл не спеша, вдыхая яблоневоый аромат. День выдался прекрасным, но, увы, он сам пребывал в дурном настроении.

План, который внезапно осенил Дмитрия во время рассказа Калитина, казался простым: взять у матушки тайком денег, а уж потом... Словом, как получится. Может, ему улыбнётся Фортуна, и он выиграет приличную сумму, может, останется ни с чем. Тогда что он скажет матушке?

Дмитрий доселе никогда не поступал столь постыдным образом. Он прекрасно знал, что матушка хранит наличность в шкатулке, что стояла в шкафу в комнате отца. Обычно там скапливалось рублей двести, а то и триста. Не более... И сии деньги для Аграфены Ивановны представлялись целым состоянием.

Дмитрий понимал, что в случае проигрыша в карты разочарует свою матушку. Но ничего не мог поделать: соблазн был столь велик, что удержаться от сей авантюры он просто не мог.

– Я выиграю, я непременно выиграю, – едва слышно произнёс он, подходя к дому. – Я чувствую: этот вечер в салоне Либуш изменит мою жизнь...

Дмитрий вошёл в дом. Время стояло послеобеденное, и он знал, что матушка, сытно откушав, предавалась дневному сну, а немногочисленная прислуга не спешила заниматься делами во время отдыха хозяйки и скорее всего либо бездельничала, либо чаёвничала на кухне.

Дмитрий прошёл к себе в комнату, открыл платяной шкаф и выбрал новый тёмно-синий сюртук, брюки, подходящие по цвету и модный жилет из серого атласа. Облачившись в сей наряд, он придирчиво осмотрел себя в зеркало.

На него смотрел красивый молодой человек и самоуверенно ухмылялся.

– Да-с... – потянул Дмитрий. – Наглец ты, братец... – заметил он своему отражению. – Неужто не повезёт сегодня? Не может быть! Надоело прозябать без денег!

Он примерил серую фетровую шляпу, взял щеголеватую тросточку, приобретённую по случаю около Сухаревой башни на блошином рынке, явно некогда украденную у богатого владельца.

И ещё раз посмотрел на себя в зеркало.

– Что ж, отлично. Все стройные дамские ножки в салоне Либуш будут сегодня только для меня.

Дмитрий вышел из комнаты и прислушался: в доме царила тишина. Он не поленился, дошёл до кухни, посмотреть, чем занята прислуга... До его слуха донесся раскатистый храп.

– Вот и славно... – заметил он. – Фортуна явно благоволит мне.

Дмитрий развернулся и направился в комнату покойного батюшки. Открыв дверь, он увидел заветный шкаф, хранивший в своём чреве состояние Берсеневых, а именно двести или триста рублей.

Аграфена Ивановна всегда закрывала шкаф на ключ, который хранила за иконами. Дмитрий знал, что именно, Иоанн Чудотворец и есть хранитель ключа, этого заветного пути в царство Фортуны.

Он подошёл к образам, перекрестился.

– Прости меня, Господи... Грех беру на душу. Коли проиграю, матушке стыдно будет в глаза смотреть... Что ж, значит судьбинушка моя такая: женюсь с горя на Дашке Потаповой, у коей на лице черти горох молотили.

Иоанн Чудотворец внимательно взирал с иконы за действиями молодого человека. Дмитрий отодвинул образ святого, не выдержав его укоризненного взгляда, пошарил рукой по отполированному старинному дереву и нащупал ключ.

Дверь шкафа бесшумно отворилась, видать, Аграфена Ивановна недавно смазала петли маслом. Дмитрий достал шкатулку, она была не заперта... В ней лежало ровно двести двадцать рублей.

Дмитрий пересчитал ассигнации и убрал их в портмоне.

– Что ж, теперь – в салон Сильвии Либуш, – сказал он своему отражению в зеркале шкафа и покинул комнату покойного батюшки.

* * *

Через полчаса наёмный экипаж остановился около бежевого двухэтажного дома на Большой Молчановке, где располагался новомодный салон Сильвии Либуш. Дмитрий вышел из экипажа, его разгорячённое лицо обдало приятным вечерним ветерком...

Он расплатился с извозчиком и направился к парадной дома. Его встретили два лакея, по росту и телосложению напоминавшие скорее вышибал в питейном заведении. Но ливреи, в кои они были облачены, настраивали посетителей на определённый лад: мол, вы заходите в приличный дом и, будьте любезны, не забываетесь, не позволяйте себе лишнего, иначе эти молодцы подхватят вас за шиворот и выбросят на мостовую под улюлюканье зазевавшихся прохожих.

Лакеи наметанным взглядом смерили Берсеньева и, удовлетворившись его respectable видом, отворили перед ним массивную дверь. Гость оказался в просторной прихожей, к нему тотчас подошёл ещё один лакей, нечета мордovorотам, стоявшим около входа. Лакей был достаточно пожилым; Дмитрий протянул ему шляпу и тросточку. Тот с поклоном принял вещи гостя.

До слуха Берсеньева донеслись смех и музыка. Ему предстояло подняться на бельэтаж, где собственно и располагался салон. Но в этот момент он вдруг ощутил некоторую робость, пожалев о том, что явился сюда один, без друзей, кои, по всей вероятности, уже утопали в объятиях стройных прелестниц.

Помедлив немного, он взглянул в зеркало, что украшало прихожую, поправил франтоватый шейный платок и решительно направился в зал.

Зал показался весьма просторным, но в то же время таящим нечто мистическое. Вероятно потому, что окна, плотно задрапированные тёмно-коричневыми портьерами, расшитыми золотистой нитью, не пропускали дневной свет.

Зал освещало множество канделябров причудливой формы. При входе один из них изображал некую крылатую деву, держащую в руках сечи. Дмитрий попытался припомнить греко-римскую мифологию, чтобы определить имя бронзовой прелестницы, но, увы, безуспешно.

На мягких диванчиках в непринуждённых позах расположились многочисленные парочки. Они не спешно вели беседы и пили вино...

– О, Берсеньев! – воскликнул один из счастливых, кого обнимала Агнесса, одна из прелестниц Либуш.

Дмитрий оглянулся.

– Калитин?! – удивился он. – Разве ты не за карточным столом?

– На сей раз нет. Сегодня я предпочёл картам красоту, – сказал он и многозначительно подмигнул Дмитрию. – Присоединяйся к нам.

Берсеньев колебался... Он пришёл сюда, чтобы выиграть, причём по-крупному... Но красотки мадам Либуш были столь соблазнительны, что у него стали возникать другие мысли.

Однако он быстро отогнал их прочь, потому как понимал: за удовольствия надобно платить, а здешним чаровницам – в особенности.

Дмитрий откашлялся...

– Благодарю тебя, Сергей. Позже... Я намерен сыграть партию в покер...

– О! Что ж, удачи! Но имей в виду, что здесь не ставят по рублю, как в нашей скромной студийной компании.

Дмитрий догадывался об этом, потому и опустошил матушкину заветную шкатулочку.

Он ещё раз огляделся, с завистью посмотрев на своих друзей, окруженных юными девами, и, не имея средств оплатить услуги служительниц Венеры, отправился в игральный зал, где расположились столы, застеленные зелёным сукном. Почти все были заняты.

Дмитрий хоть и был заядлым картёжником, но по-крупному никогда не играл, так как нужных денег у него не водилось. Он сел за свободный стол, взяв в руки одну из запечатанных карточных колод, лежавших тут же.

К нему подсел некто, весьма похожий на карточного шулера.

Берсеньев улыбнулся.

– Партию в покер? – спросил он подозрительного незнакомца.

– С удовольствием.

Вскоре все места за карточным столом были заняты. Игроки начали со скромной и необременительной ставки: пять рублей. Но, как говорится, лиха беда начало!

* * *

В этот вечер Сильвия Либуш откровенно скучала. Она выпила немного вина, ужинать не хотелось... При помощи услужливой горничной она привела себя в порядок и спустилась из своих апартаментов к гостям. Мадам Либуш любила изучать лица своих посетителей и, ведомая внутренней интуицией, пыталась выделить среди них людей полезных. За годы содержания салона она до того поднатрела в этом мастерстве, что ошибалась крайне редко.

Либуш окинула беглым взглядом парочки, расположившиеся на мягких диванчиках в довольно фривольных позах... Затем прошла в карточный зал.

Её внимание тотчас же привлёк молодой человек, внешность которого напоминала знойного испанца или итальянца, но опытная мадам Либуш уже знала: наверняка в его жилах течёт кровь терских или кубанских казаков.

И она не ошиблась. Действительно, дед Дмитрия Берсеньева происходил из южных российских провинций и служил в казачьих войсках, покуда удачно не женился на московской мещанке.

Сильвии нравились молодые мужчины подобного типа: высокие, стройные, темноволосяные. Ей почему-то казалось, что они более темпераментные, нежели блондины.

Хозяйка салона приблизилась к карточным столам, за одним из которых она как раз и заметила «знойного итальянца».

До слуха мадам Либуш отчётливо донесся жаргон игроков:

– Стрит-флеш, фул-хауз...

Женщина улыбнулась... Она верно определила: красавец-игрок был человеком не богатым, но на сей раз, вероятно, при деньгах. Несомненно, он мечтал о крупном выигрыше.

Сильвия ещё раз взглянула на черноволосого «итальянца», его пухлые чувственные губы невольно привлекли её... Сердце пронзило воспоминание о том офицере, что привёз её в Москву, а затем бросил как надоевшую игрушку.

Прошло почти десять лет, но боль утраты и горечь оскорбления по-прежнему бередили Сильвии душу.

Итак, мадам Либуш, томимая скукой, насладившись красотой молодого человека, удалилась в следующий зал...

Проделав таким образом привычный вечерний променаж по салону, заглянув в зимний сад, где парочки предавались невинным поцелуям (и такие были, не всё сразу...), она вернулась к игрокам.

К своему вящему удивлению Сильвия узнала, что чувственный «итальянец» в приличном выигрыше.

«О ля-ля! – мысленно воскликнула она. – Да вы, сударь, не только красавец, но и авантюрист...»

Дмитрий, хоть и был поглощён карточной игрой, всё же заметил, что красивая дама, лет тридцати обратила на него внимание, не подозревая, что именно она и есть – мадам Либуш... И сие обстоятельство было для него лестным. Собрав выигрыш со стола, небрежно распахав его по карманам, приободренный удачей, Берсеньев приблизился к роскошной даме.

– Не считите за дерзость, позвольте представиться: Дмитрий Сергеевич Берсеньев.

Сочная красавица протянула руку для поцелуя.

– Сильвия Либуш, хозяйка сего салона.

Дмитрий с удовольствием приложился к ручке.

– Не может быть! – с жаром воскликнул он.

Сильвия удивлённо вскинула брови.

– Отчего же?

– Я думал, что содержательница сего дивного заведения – дама в летах. Но как я жестоко ошибался!

Мадам Либуш очаровательно улыбнулась.

– Дмитрий Сергеевич, вы – льстец и дамский угодник.

– Ах сударыня, увы... Для того, чтобы таковым быть, надобно иметь деньги... А моя добыча, – он указал на карман, набитый ассигнациями, – всего лишь дело случая. Сильвия рассмеялась.

– Вы всегда так откровенны с женщинами? – спросила она, поигрывая дорогим веером.

– Право, не знаю, что и ответить... – растерялся он. – Я сегодня впервые здесь... Да ещё в выигрыше... Признаться, я растерян... И наше знакомство столь неожиданно... Я слышал о вас от своих друзей, они часто здесь бывают. Но не предполагал, что вот так буду разговаривать с вами... Простите меня, сударыня, я говорю бессвязно и сбивчиво...

Сильвия милостиво улыбнулась.

– Отнюдь, сударь. Мне приятно говорить с вами. А кто ваши друзья? Возможно, я знакома с ними лично...

– Сергей Калитин... – начал Дмитрий перечислять имена своих друзей.

– Ах, Калитин! – внезапно перебила его мадам Либуш. – Он любит сорить деньгами, я это заметила. Мои девочки от него в восторге.

– Да, сударыня, это он. Я бы тоже с удовольствием потратил то, что выиграл... Увы, у меня нет состоятельных родителей, и потому надо пользоваться случаем, покуда есть деньги.

Чем больше Сильвия смотрела на Дмитрия, тем больше она понимала, что перед ней именно тот человек, который ей нужен для воплощения замыслов. Сильвия почувствовала, что перед ней – весьма незаурядная личность...

* * *

Дом Шаховских на Большой Никитской улице

Утомлённый бурным весельем и бесконечным покером, Григорий Шаховской вернулся в семейное гнездо. После того, как граф принял ванную, смыл с себя следы губной помады, облачился в домашний халат и мягкие туфли, он, наконец, изволил поинтересоваться самочувствием супруги.

С удивлением он узнал, что с Натальей Васильевной случилось несчастье. Григорий в порыве чувств вбежал в спальню жены, но на туалетном столике его ожидала короткая записка:

«Более не могу так жить. Ты равнодушен и жесток... Прощай».

Он в сердцах скомкал записку.

– Наверняка к папеньке своему отправилась, толстомордому купчине! Теперь на поклон к нему придётся идти... – в отчаянье подумал Григорий, вспомнив про свои многочисленные карточные долги. А ведь он промотал почти всё приданое Натальи, и это его беспокоило более, нежели потеря ребёнка. Его тесть хоть и был купцом первой гильдии, но управлял весьма солидным состоянием. А он, обладатель графского титула, увы, не мог похвастаться и малой толикой купеческого богатства.

* * *

Дмитрий Берсеньев прекрасно провёл время в салоне. Сама мадам Либуш оказывала ему знаки внимания, и это обстоятельство не ускользнуло от внимания посетителей, особенно Николая Жукова. Зрелые мужчины позавидовали Дмитрию: «Каков шельмец! Денег, небось, за душой – что выигрыш на зелёном сукне! А такую женщину окрутил! И чем только взял непонятно...»

Многие завсегдатаи салона добивались расположения Сильвии, а некоторые, например Эйлер Павел Христофорович, несмотря на свой чин и службу, питал и к очаровательной иностранке особую привязанность. Она пользовалась этим обстоятельством, опустошая портмоне полковника. Взамен Эйлер наслаждался роскошным телом Сильвии, и в случае необходимости умел замять неприятности, порой происходившие в её салоне. Словом, ушлая и расторопная хозяйка умела извлекать из своих любовных связей максимальную пользу.

Дмитрий же был её прихотью, по крайней мере, так казалось завсегдатаям салона. Молодой человек не мог дать ей ни денег, ни поддержки в московском обществе, лишь свою любовь и преданность. И этого Сильвии было достаточно.

Ночью в объятиях Дмитрия Сильвия искусно изображала страсть, ведь это было её ремеслом.

Домой Дмитрий пришёл только под утро. Служанка, встретившая его в прихожей, вытирала слёзы замусоленным фартуком, а затем смачно в него высморкалась.

– Фрося, что стряслось? – заволновался изрядно подгулявший Дмитрий.

– Ох, Дмитрий Сергеевич... Беда-а-а... Беда у нас... – слёзно протянула прислуга.

Дмитрий не на шутку испугался, щёгольская тросточка выскользнула у него из рук. Он быстро снял шляпу, небрежно отбросив её на комод.

– Что с матушкой?.. – и, не дождавшись ответа от бестолковой Фроськи, бросился в комнату Аграфены Ивановны.

Та сидела за столом: глаза красные, заплаканные, – перед ней стояла пустая шкатулка...

Дмитрий сразу же обо всём догадался: матушке вчера срочно понадобились деньги, она открыла шкатулку, а там пусто.

– Нас ограбили, Митя... Мы – нищие... – едва слышно произнесла Агафья Ивановна.

В это момент, несмотря на свою полнотелость и солидность, она показалась сыну жалкой и беспомощной.

Дмитрий тотчас извлёк из внутреннего кармана сюртука портмоне.

– Вот, матушка, возьмите... – потянул он пять ассигнаций, каждая достоинством в сто рублей.

Агафья Ивановна от удивления округлила глаза...

– Что это?... Откуда такие деньги?... Ты часом, Митенька, не украл их?... – спросила она, готовая, того и гляди, лишиться чувств.

Дмитрий почувствовал, как его щёки заливают густой румянец.

– Нет, матушка, я их не украл – в карты выиграл. Вот вам крест! – он истово перекрестился и решил признаться во всём. – А деньги из шкатулки, двести двадцать рублей, я взял. Хотел крупный куш сорвать в карты.

– И сорвал?... – спросила матушка, медленно приходя в чувство.

– Да... Правда, потратился вчера вечером. Но вот пятьсот рублей, возьмите.

Агафья Ивановна снова посмотрела на ассигнации.

– Положи в шкатулку... Господи, стыд-то какой... Слава богу, что отец твой не дожил до этого... Одно дело ты со шкупентами[9] своими по рублику играл... А то вона что удумал!

По последней фразе Дмитрий понял: матушка окончательно пришла в себя, и теперь ему придётся выслушать, суровую отповедь. И он сразу же поспешил заверить:

– Я больше не буду брать деньги без вашего ведома...

Аграфена Ивановна, поднялась и, словно скала, нависла над столом...

– Теперь уж, конечно, не будешь!.. Я ещё одно письмо деверю в Ярославль напишу. Пусть хоть помощником приказчика тебя, беспутного, устроит.

* * *

Николай Жуков кипел от негодования: ему, опытному мужчине, Сильвия предпочла желторотого птенца!

Едва дождавшись, когда Берсенев покинет салон, Николай, проведший беспокойную ночь с одной из «служительниц Венеры», устремился в комнату любовницы.

– Что это значит, Сильвия? – взревел он, снедаемый ревностью.

Женщина сидела перед зеркалом и причёсывала волосы.

– А... ты про этого юнца?... Признаться, он весьма не плох в постели... – сказала она.

– Ты провела с ним ночь!

– Разумеется... – спокойно ответила Сильвия. – А что тебя так разозлило?

Жуков открыл рот от изумления.

– Я не помню, чтобы приносила тебе обет верности... – холодно заметила она. – Да и сам ты сожительницу имеешь. Кажется, она в моём салоне клиентов обслуживала... Не так ли? Полина Агафонова... Впрочем, это не важно. Мы же с тобой говорили о том, что надобно всё как следует обдумать, прежде чем приступить к делу.

Женщина обернулась и пристально воззрилась на любовника.

– Говорили... – растерянно подтвердил тот.

– Так вот, я окончательно всё обдумала и нашла подходящую кандидатуру...

– Этого щенка? Но коим образом его можно использовать? – недоумевал Жуков.

– Он умён, амбициозен, воспитан ... Кажется, получил какое-то образование...

– Ну и что? Я не понимаю тебя!

– Подожди, не делай скоропалительных выводов. Надобно время, чтобы Берсенев потерял голову от любви, и тогда он будет готов на всё ради меня.

* * *

Встреча Дмитрия Берсеньева и Сильвии Либуш, как говорится, была роковой. Несмотря на приличную разницу в возрасте – Сильвия была старше Дмитрия на десять лет, они почти сразу же стали любовниками.

Дмитрий обожал в Сильвии свою мечту о красивой жизни, та же, несмотря на тайные замыслы, пыталась доказать себе, что всё ещё молода и может возбудить любовь молодого человека просто так... а не оттого, что она – состоятельная хозяйка модного салона, посетителями которого являются мужчины весьма уважаемые и с положением в обществе.

Иногда Дмитрий играл в карты, и ему несказанно везло – почти всегда он оказывался в выигрыше. Но лёгкие деньги быстро улетали; Дмитрию не хотелось жить за счёт любовницы и становиться «Альфонсом», которых в последнее время в Москве и Петербурге становилось всё больше и больше. Поэтому он щедро тратил деньги, надолго их не хватало, от силы – на несколько дней.

Встречи Дмитрия и Сильвии длились почти два месяца, до середины лета. Берсенев почти каждый день посещал салон, причём на особых правах. Завсегдатаи перешептывались у него за спиной: мол, хозяйка салона сменила фаворита; Николай Жуков теперь не в милости. Что делать – молодость всегда побеждает!

Но Дмитрий не обращал на это обстоятельство ни малейшего внимания. Пусть завидуют! Ведь он обладает такой прекрасной женщиной!

Действительно, в любовных ласках Сильвия была весьма искусна... Да и Дмитрий имел некоторый опыт обращения с женщинами. Порой они доводили друг друга до изнеможения, часами не покидая апартаменты.

...Либуш прильнула к груди любовника. В последнее время она всё чаще размышляла, что настала пора переговорить с Дмитрием о предстоящем деле.

– Ты чем-то огорчён?.. Не так ли? – заметила проницательная красавица.

– Нет... нет, тебе показалось... – вяло ответил Дмитрий.

Сильвия отпрянула от любовника и села на кровати.

– Ты сейчас где-то далеко... Не со мной... Я надоела тебе? – резко спросила Сильвия. – Только не лги. Я всё равно почувствую ложь!

Дмитрий встал с кровати и накинул атласный халат.

– Я и не собирался лгать тебе, Сильвия... Я действительно люблю тебя... Ты не можешь надоест мужчине, это просто невозможно... – сказал Дмитрий, стараясь не смотреть на возлюбленную.

– Но почему ты прячешь глаза?.. Посмотри на меня! – Сильвия встала с кровати и подошла к любовнику.

Дмитрий набрался сил и посмотрел Сильвии прямо в глаза.

– Ну, что ты видишь?..

Женщина пожала плечами.

– Странно, ты мне не лжешь... Но я же чувствую: тебя что-то тяготит.

– Да... – наконец признался Дмитрий. – От тебя ничего не скроешь.

Сильвия напряглась, ожидая услышать самое страшное. Страх и разочарование наполнили её сердце: неужели все эти месяцы «страстной любви» напрасны? Неужели ей предстоит услышать, что у Дмитрия другая женщина?

– У меня нет денег, ты же знаешь, что я беден. В последнее время мне везло в карты, но так не может продолжаться вечно... Потом я начну проигрывать, я видел, как это бывает – люди теряют всё, даже человеческое достоинство.

Сильвия рассмеялась.

– Глупенький!.. – она прильнула к любовнику. Тот обнял её и поцеловал в шею. – У меня достаточно денег...

– Я знаю... Но не могу жить за твой счёт, прости. Да и матушка настаивает...

Сильвия снова напряглась.

– Что, женить тебя хочет на купеческой дочери?..

Дмитрий рассмеялся.

– Точно, угадала! Хотела женить... Да дочка купеческая больно уж лицом не вышла. Нет, дело не в женитьбе. Мой дядя, купец второй гильдии Иван Берсенев, прислал письмо, в котором подробно описывает своё житьё-бытьё в Ярославле и предлагает мне стать его помощником. Я не могу отказаться! Понимаешь! Дела дядюшки идут хорошо, он стал поставщиком таких известных ярославских фамилий, как Мурзаевы, Новинские, Шаховские.

Сильвия закусилла нижнюю губу.

– Шаховские?!.. – удивлённо переспросила она. – Ах, вот как...

– Да, Шаховские... А почему это тебя так удивило?

– Нисколько... Просто граф Шаховской – известный богатый человек, – небрежно сказала Сильвия, надевая шёлковый пеньюар.

– В том-то и дело, что богатый! – воскликнул Дмитрий. – Но мне не хочется уезжать из Москвы. Я не хочу расставаться с тобой...

– И не надо. Я буду навещать тебя в Ярославле, – пообещала Сильвия.

Дмитрий обрадовался.

– Ты обещаешь приехать ко мне?

– Конечно! Ярославль – не так уж далеко от Москвы. Сяду в дилижанс и через пару дней уже в Ярославле. Думаю, что предложение твоего дяди следует принять...

Дмитрий бросился к Сильвии и сжал её в объятиях.

Глава 2

Прошла неделя после отъезда Дмитрия в Ярославль. Сильвии хотелось собрать сак-воаж, бросить всё, сесть в дилижанс и умчаться в Ярославль, чтобы не только упасть в объятия Дмитрия, что, разумеется, доставило бы ей немалое удовольствие, сколько найти того верного человека, о котором говорил Николай Жуков. И наконец, воплотить свой план, в который прекрасно вписывался Дмитрий Берсенев. Она не сомневалась: молодой любовник – подарок судьбы, он-то и поможет ей воплотить все замыслы. Ну, а Жуков... Впрочем, сам виноват, не следовало проявлять излишнее любопытство. Хотя, по чести признаться, Сильвия была не до конца уверена: постиг ли бывший любовник смысл содержимого заветной шкатулки, хранившейся в комод? По крайней мере, он ни разу об этом не обмолвился.

...В этот вечер Сильвия ощущала себя особенно одинокой, не радовали бывшие поклонники и их знаки внимания. Женщина осушила бокал вина и слегка навеселе спустилась из своих апартаментов, расположенных в мансарде, в салон к посетителям. Обычно Сильвия не злоупотребляла выпивкой, но сейчас на душе скребли кошки, и почему-то не покидало дурное предчувствие.

В салоне всё шло своим чередом: игроки метали карты за столами, застеленными зелёным сукном, иные просто наблюдали. Охотники за женскими прелестями проводили время в обществе девочек. Те, как могли, развлекали своих клиентов.

Сильвия обратила внимание на Агнессу. Она фривольно расположилась рядом с купцом первой гильдии Игнатом Харитоновичем Водовозовым.

Толстый купчина уже изрядно захмелел и бесстыдно пожирал глазами белую пышную грудь Агнессы. Та кокетничала, жеманилась, стараясь как можно сильнее распалить богатого клиента.

Сильвия не раз видела Водовозова в своём заведении. Впервые он появился примерно два года назад, как раз тогда, когда новый салон остро нуждался в клиентах. Купец умел быть щедрым, любил выпить и провести ночь с одной из прелестниц мадам Либуш, в карты он обычно не играл.

В то время в салоне обслуживала клиентов некая Жози, по жизни – Евгения Понамарёва. Купец предпочитал её другим девушкам. Лёгкая разгульная жизнь окончательно развратила Жози, она пристрастилась к выпивке. Мадам Либуш неоднократно делала замечания Жози, но та не обращала на них ни малейшего внимания.

Наконец мадам Либуш не выдержала и указала Евгении Понамарёвой на дверь. Та поплакала, собрала свои пожитки и ушла. Сильвию не интересовало, что с ней стало: поговаривали, что Женька-Жози работала по трактирам, напивалась до беспамятства, а потом была найдена мёртвой в канаве.

Сильвия смерила взглядом Агнессу: да, пожалуй, она сможет заменить Жози, такая же пышная и сочная девица... Купец именно таких и любит.

Сильвия прошла мимо парочек, расположившихся на мягких диванах, миновала карточный зал, удалившись в небольшую оранжерею. Иногда она любила уединиться среди цветов и многочисленных растений в кадках, присесть на скамеечку и подумать о жизни. На сей раз мысли мадам Либуш путались... Внезапно нахлынула такая тоска... Перед глазами встали покойная мать, бабушка... Потом её бегство в Москву и бесконечная череда мужчин...

Сильвия тряхнула головой.

– Да пропади всё пропадом! Мы ещё посмотрим: кто кого! – воскликнула Либуш, имея в виду свою нелёгкую долю. – Не вечно же мне быть содержательницей сего заведения?! В конце концов, я – не Евгения Понамарёва, спиваться не стану. Я намерена бороться за

право жить достойно! – остатки хмеля полностью улетучились, голова Сильвии прояснилась, мысли обрели ясность.

«В ближайшее время отправлюсь в Ярославль, медлить более не стану... Надо только подумать, на кого оставить салон...» – подумала она.

* * *

Сильвию разбудил шум и суматоха, доносившиеся из коридора. Она быстро встала, накинула халат и отправилась посмотреть: что же случилось?

Не успела женщина открыть дверь, как на пороге выросла могучая фигура купца Водовозова. Вид у него был, как говорится, не приведи Господи: волосы всклокоченные, глаза безумно выпучены, в одежде полный беспорядок...

– А, вот вы где! – возопил купец, увидев хозяйку заведения. – У вас тут одна шайка! И девки ваши все заодно! – купец сжал кулаки и начал потрясать ими прямо перед носом Сильвии. Она в испуге отпрянула.

– Но позвольте... – робко начала она.

– Не позволю!!! – рычал купец в бешенстве.

Наконец в комнату вбежали лакеи-мордovorоты, понимая, что клиент не в себе и оттеснили его от хозяйки.

– А, и душегубов своих позвала! – не унимался Водовозов.

Сильвия взяла себя в руки и спросила, пытаясь сохранять спокойствие:

– Прошу вас, сударь, может быть, вы скажите, наконец, в чём дело?

– Воровское гнездо! Я-то думал у вас приличное заведение! А вы... А у вас... – неожиданно купец начал задыхаться и оседать.

Сильвия не на шутку испугалась. Лакеи подхватили оседавшего на пол купца и усадили в кресло.

– Выпейте воды. И расскажите мне всё по порядку... – сказала Сильвия, протягивая Водовозову стакан воды. Купец жадно припал к стакану, мигом осушив его.

– Агнесса... Эта дрянь... – начал купец срывающимся голосом.

Сильвия почувствовала недоброе... Недаром вот уже несколько дней дурное предчувствие тяготило её.

– Так что же Агнесса?.. – переспросила она, подавляя крайнее волнение.

– Она меня обокрала! Эта ваша Агнесса! Или как её там зовут?! – выпалил купец.

У Сильвии потемнело в глазах.

– Как это?..

– А так! Просыпаюсь я – Агнесски нет! Испарилась! Небось, уж из Москвы сбежала с моими денежками. В портмоне у меня было полторы тыщи рублей ассигнациями. И где они? Ан нету... Мало того, перстень стащила да цепочку золотую с крестиком... Ох... – с надрывом пожалился купец и схватился за сердце.

– Найти Агнессу! – приказала Сильвия своим лакеям.

Те ринулись прочь из комнаты.

– Ага, щас она их дожидается! – съёрничал купец. – Её и след простыл... В общем, как хотите, но я иду в полицейский участок.

У Сильвии чуть сердце не выскочило из груди.

– В полицию?.. Боже мой... – она была готова разрыдаться.

– А вы как хотели? Отвечать за воровство придётся вам, сударыня! Да-с! – не унимался купец.

Сильвия представила, как набегут полицейские, учинят допрос по всем правилам, перевернут салон вверх дном... Нет, только не это! Какой урон репутации салона!

– Умоляю, Игнат Харитонович, не губите меня. Давайте решим это неприятнейшее дело полюбовно. Я возьму вам полторы тысячи рублей прямо сейчас...

Купец немного пришёл в себя.

– Хорошо... Но кто вернёт мне перстень и цепочку с крестиком?

Сильвия растерялась.

– У меня есть связи в жандармерии... Я попрошу содействия в поисках Агнессы... – пообещала она.

Водовозов окончательно успокоился, прикидывая в уме: «М-да... О связи мадам Либуш и господина Эйлера, начальника жандармского корпуса, я что-то слышал...»

– Ладно... Я тоже не желаю огласки, всё же у меня семья. Дайте бумагу и перо, я подробно опишу перстень и цепочку...

Сильвия тотчас исполнила желание купца. Он уже начал сосредоточенно писать, как вдруг предложил:

– А куда вы будете заниматься поисками украденных у меня ценностей, я намереваюсь бесплатно посещать ваш салон.

Сильвия тяжело вздохнула.

– Как угодно, сударь... – согласилась она.

* * *

Сильвия отсчитала Водовозову полторы тысячи рублей. Тяжёлой ручищей Он сгрёб их со стола.

– Даю вам неделю на поиски моего имущества. А потом иду в полицию, – деловито заявил купец.

Сильвия прекрасно понимала: Водовозов попросту слов на ветер бросать не станет. И потому после его ухода тотчас села за написание письма Павлу Христофоровичу Эйлеру, где умоляла о помощи и кратко излагала суть своей проблемы.

Посыльный мальчишка доставил письмо мадам Либуш на Воздвиженку в жандармский корпус второго отделения[10], и передал дежурному, который, в свою очередь, отнёс его лично господину Эйлеру.

Павел Христофорович распечатал письмо специальными ножницами и уловил тончайший аромат духов. Полковник безошибочно определил, что сей изысканный аромат принадлежит новомодным французским духам Сильвии Либуш, которые он подарил ей не далее как месяц тому назад.

Содержание письма взволновало полковника. Вот уже два года, как он покровительствовал Сильвии, и ни разу за это время ничего подобного не случилось. Ситуация была крайне неприятной.

Полковник задумался: чем он сможет помочь мадам Либуш? Ведь кражами занимается полиция. А ей только дай повод, весь салон перетрясет, да всё напрасно будет.

Эйлер недолюбливал полицейских, считая их безмозговыми ищейками, однако в случае крайней необходимости сотрудничал с ними. Но за годы его службы подобных случаев было немного.

Сейчас требовалось действовать деликатно и с умом, чтобы не навредить Сильвии Либуш и купцу Водовозову и по возможности отыскать воровку – наверняка она уже сдала вещички скупщику краденого. Но вопрос: кому? Конечно, полиция в этом вопросе более сведуща – скупщики краденого по их части.

Эйлер приказал секретарю послать за поручиком Полянским.

...Алексей Фёдорович сидел за письменным столом в своём кабинете, занимаясь рутинным трудом – приводил скопившиеся бумаги в порядок и разносил их по разным

папочкам. Поручик страсть как не любил это занятие, но делать было нечего: ибо писарь был загружен делопроизводством, да так, что едва был виден из-за сложенных на столе папок. В следственном деле важны не только логика и пистолет, но и бумага, перо и чернила.

Когда в кабинете появился секретарь полковника, Полянский с удовольствием оставил неблагодарный труд на писаря, сам же поспешил к начальнику.

Эйлер принял поручика радушно и предложил присесть.

– Хочу поручить вам, Алексей Фёдорович, весьма деликатное дело... – начал полковник издалека.

– Я весь внимание...

– Надобно помочь одной даме. – Эйлер замолк, подбирая слова и, наконец, продолжил: – Она попала в пренеприятнейшую историю. В салоне, хозяйкой коего она является, обокрали купца...

Эйлер умолк и многозначительно воззрился на своего подчинённого, чтобы тот понял, какой именно салон он имеет в виду.

– Да, понимаю. Но... Павел Христофорович, кражами занимается полиция, – попытался возразить поручик.

– М-да... Вы правы, но мне бы очень хотелось помочь этой даме. Я в некотором роде опекаю её... – сказал Эйлер и вновь уставился на поручика.

Полянский понимал, что и у начальника жандармского корпуса могут быть слабости. Но вставать поперёк дороги полиции ему не хотелось.

Эйлер, словно прочитав мысли поручика, добавил:

– Я прошу вас не как жандарма, а как человека, которому я могу доверять. История не должна получить огласки... Вы понимаете?..

Полянский кивнул: чего ж тут не понять? Некая дамочка, которой покровительствует Эйлер, решила воспользоваться его связями и добротой, чтобы замять преступление.

– Вот адрес заведения... – полковник бегло черкнул пером по бумаге. – Даму зовут Сильвия Либуш. У вас есть срочные дела?

Полянский пожал плечами.

– Да нет, разбирался в кабинете с бумагами...

– Тогда займитесь этим делом тотчас же, – настоятельно потребовал полковник.

* * *

Алексей Фёдорович вышел на улицу, его обдало свежим сентябрьским ветерком. Будучи одет в форменный мундир, выдававший род занятий, он решил направиться домой, чтобы переодеться и отобедать, а потом уж к госпоже Либуш. Раз уж начальство просит не предавать дело огласке, придётся на некоторое время расстаться с формой.

... Полянский переоделся в повседневный сюртук, наскоро отобедал, минут пятнадцать почитал «Московский вестник» и после этого надел шляпу, взял перчатки и свою неизменную тросточку. От его дома до Большой Молчановки было сравнительно недалеко, и он решил пройти пешком, чтобы подышать сентябрьским воздухом, наполненным ароматом листвы. Погода стояла исключительная для этого времени года. Бабье лето несколько запоздало и вот теперь щедро раздавало тепло всему живому перед предстоящими октябрьскими дождями.

Алексей Фёдорович, опираясь на тросточку, не спеша направился на Большую Молчановку. По дороге его мысли вернулись к Эйлеру и его «подопечной» Сильвии Либуш. Поручик, как впрочем, и все в жандармском корпусе, знал об излишней слабости полковника к прекрасному полу... Но не настолько же, чтобы покровительствовать содержательнице борделя, хоть и считавшегося приличным заведением.

Полянский вздохнул: против воли начальства не пойдёшь – можно и со службой распрощаться, а ему этого делать вовсе не хотелось. Почти за год своей службы во втором отделении поручик привык и к профессиональным обязанностям, и к сослуживцам, да и был уже на хорошем счету у начальства. Пример тому – данное щепетильное поручение...

Поручик не заметил, как достиг Большой Молчановки. Пройдя ещё немного по улице, он оказался перед солидным двухэтажным домом с высокой мансардой – салоном Сильвии Либуш. Он приблизился к парадной, и лакеи-мордвороты своими широкими спинами перегородили дверь. Потому как время для любителей карт и «клубнички» ещё не настало – слишком рано. Обычно посетители собирались в салоне ближе к вечеру...

Полянский оценил внешний вид и физические данные «лакеев» и отступил перед ними.

– Я к госпоже Либуш, – сказал поручик. Мордвороты не двинулись с места. – По весьма срочному делу... – продолжил он.

«Лакеи» переглянулись.

– Простите, ваше благородие! – выпалил тот, что постарше и вытянулся перед жандармом в струнку. – Не признали вас в гражданском-то. Хозяйка вас ожидают-с с превеликим нетерпением.

Поручик примирительно кивнул и вошёл в салон. К нему поспешил пожилой лакей, принял шляпу, перчатки. Трость поручик предпочёл не отдавать – нога беспокоила несколько сильнее обычного. Уж чего только он не делал по совету своего друга, врача Грачёва Андрея Генриховича, да всё напрасно.

...Алексей Фёдорович очутился в полумраке салона. Вдоль стен стояли мягкие диваны со множеством подушек, напротив круглые столики для закуски, далее виднелся зал для карточной игры.

Поручик заметил франтоватого мужчину средних лет. Тот сидел за карточным столом и скучал. К нему подошла красивая дама лет тридцати... И вот эта пара, увидев поручика, направилась прямо к нему.

– Вы от Павла Христофоровича? – спросила дама, обращаясь к Полянскому.

– Точно так, сударыня. Я – Алексей Фёдорович Полянский, служу в чине поручика во втором жандармском отделении. Павел Христофорович – мой непосредственный начальник.

Сочная красавица улыбнулась.

– Вот как... Что ж, я – Сильвия Либуш, хозяйка заведения, – представилась дама и протянула поручику ручку для поцелуя. Тот несколько смутился: ему ещё никогда не приходилось целовать ручку содержательнице борделя. Но поручик решил не нарушать установленных правил этикета.

– Думаю, выражу общее мнение, если скажу, что лучше бы мы познакомились при других обстоятельствах. Не так ли, сударыня?..

Сильвия натянуто улыбнулась и представила франтоватого мужчину:

– Николай Владимирович Жуков, частый гость в моём салоне. Думаю, он сможет помочь нам...

Жуков кивнул поручику и протянул ему руку. По рукопожатию Полянский определил: перед ним заядлый картёжник, возможно, шулер. Почему он так решил? Полянский и сам не знал. Возможно, интуиция... А возможно, тому виной рука Жукова – узкая кисть, длинные ловкие пальцы. Николай Владимирович не удержался от профессионального движения и машинально, сам того не замечая, «пробежался» по руке поручика.

– Прошу вас, господа... – сказала хозяйка и указала на один из карточных столов в глубине салона. – Здесь нам будет удобнее.

Полянский редко играл в карты, но поймал себя на мысли, что с удовольствием сел бы за карточный стол...

– Сударыня, мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о случившемся как можно подробнее. Поверьте, в таком деле даже мелочи имеют значение, – отметил поручик.

Сильвия напряглась... По всему было видно, насколько тяжело ей говорить. Но она всё же пересилила себя и рассказала историю ограбления купца Водовозова Агнессой, по паспорту Анной Шипиловой.

Полянский внимательно выслушал, как Агнесса украла у купца полторы тысячи рублей, а затем с его спящего сняла золотую цепочку и перстень. Разумеется, купец крепко спал, утомлённый вином и любовными ласками коварной прелестницы.

«Да где ж её теперь найдёшь? Девица, небось, уж из Москвы сбежала или спряталась где-нибудь на окраине...» – подумал поручик и пожалел, что у него нет личных связей с полицией, которая быстро бы подключила своих осведомителей и наверняка нашла бы какую-нибудь зацепку.

«А что, если проверить ростовщиков? – снова подумал Полянский. – Нет, нет... пустая трата времени: ростовщики боятся брать краденое, требуют паспорт... Анна Шипилова вряд ли решилась бы на такой отчаянный шаг. Да и зачем? У неё же есть полторы тысячи рублей...»

Повисла напряжённая пауза. Сильвия и Николай Жуков пристально смотрели на поручика. Тот почувствовал себя неловко.

– Думаю, девицу нам не найти. Это дело полиции. А вот что касается украшений, то шансы есть.

Сильвия протянула Полянскому сложенный пополам лист бумаги.

– Что это?.. – удивился тот.

– Описание перстня и цепочки, составленные самим Водовозовым, – пояснила Либуш. Поручик бегло с ними ознакомился.

– Алексей Фёдорович... – произнесла мадам Либуш. – Господин Жуков мог бы помочь вам в поисках украденных вещей.

Полянский испытующе посмотрел на картёжника.

– Так, так... Это каким же образом?

Жуков откашлялся.

– Дело в том, что у меня была бурная молодость, и остались некоторые связи. Например, я знаю почти всех скупщиков краденого в ближайшей округе, – без обиняков признался господин Жуков.

Полянский постарался взять себя в руки, чтобы не выказать своего крайнего удивления: «Так, так... На редкость практичная женщина... Она водит знакомство не только с полковником жандармерии, но и с бывшим вором...»

Полянский хоть и не занимался расследованием краж, но всё-таки имел некоторый житейский опыт.

– Вряд ли скупщики возьмут краденые вещи у незнакомой женщины. А вдруг она – из полиции? – предположил Полянский. Сильвия и Жуков переглянулись. – Скупщики не имеют дело абы с кем. Да и неужели Анна Шипилова лично знала кого-то из скупщиков?

Сильвия пожала плечами.

– Вряд ли...

– Вот и я так же считаю, – заключил Полянский. – Но всё же я не исключаю такой возможности... В любом случае девушка постарается избавиться от ворованных украшений. Николай Владимирович, если вам нетрудно: выясните о судьбе украшений при помощи своих связей.

– Разумеется, я рад оказать посильную помощь, – согласился Жуков, тотчас откланялся и покинул салон.

Полянский проводил Жукова долгим задумчивым взглядом.

– Мне надо подумать... Позвольте переговорить с вашими девушками. Может быть, они что-то знают и наведут нас на след Анны.

Сильвия кивнула.

– Конечно, делайте всё, что считаете необходимым. Я уже пыталась поговорить с девушками. Они ничего не знают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.